

"ДЛЯЩИЙСЯ ЗАЗОР" МЕЖДУ КУЛЬТУРОЙ И ХОЗЯЙСТВОМ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ

Проблема влияния социокультурных факторов на экономические отношения актуализируется в научном дискурсе в тот момент, когда само это влияние становится проблемой. (Весьма возможно, что, скажем, Аристотелю показалось бы несколько банальным заявление Даниеля Этунга-Мангеле о том, что "культура – это мать, а институты [то есть, правила игры] – ее дети" [З с. 29]). Как известно, классическая экономическая теория с ее Homo oeconomicus, поведение которого определяется исключительно экономическими переменными, культуру за ненужностью фактически отбрасывает, и тем самым одновременно делает извлечение ее на свет научно привлекательным и актуальным. Пожалуй, одним из первых, кто ярко и убедительно это сделал, был Макс Вебер, показавший значение протестантской трудовой этики для становления капитализма в западных странах. В дальнейшем, в течение XX в. исследование роли и места социокультурных факторов в экономике постоянно двигалось по нисходящей от макро- к микроуровню, вырабатывая такие все более уточненные инструменты анализа, как, например, концепции социальной укорененности и социального капитала (К. Поланьи, М. Грановеттер, Дж. Коулман и др.). Наконец, 90-е годы прошлого века, принесшие с собой глобализацию, распад Советского Союза и неолиберальную идеологию, вновь актуализировали проблематику культуры и подняли ее уже на метауровень. Несмотря на великое множество работ представителей как западной (И. Валлерстайн, М. Портер, Дж. Сакс, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, Дж. Хелд и др.), так и постсоветской (А. Ахиезер, Ю. Васильчук, Г. Задорожный, И. Ионов, В. Радаев, М. Чешков и др.) науки, обративших свое внимание на данную исследовательскую область, степень разработанности проблемы является такой, что позволяет предлагать новые взгляды и подходы.

Как справедливо заметил Л. Харрисон, культура "...состоит в запутанных причинно-следственных отношениях с такими

явлениями, как политика, общественные институты, экономическое развитие" [3, с. 34]. Очевидно, что "распутывание" этих связей является а priori задачей сверхсложной, поэтому мы сразу же несколько сузим предмет нашего анализа. Так, под социокультурой мы понимаем разделяемые общностью людей смыслы, ценности, нормы и символы, а экономику рассматриваем прежде всего как хозяйственные институты и отношения. Отправной точкой для нас является тезис о взаимовлиянии культуры и хозяйства – таком, при котором и хозяйственные отношения оказывают влияние на мировоззрение, ценности и идеи, и различные аспекты культуры формируют хозяйственные институты и процессы.

Таким образом, рассматривая социум в статике, мы имеем обоюдную потенцию культурной и хозяйственной сфер влиять друг на друга. При этом, само влияние предполагает изменение, а изменение означает необходимость включения в анализ временной составляющей. Г. Уайт указал на то, что "...социальные структуры зачастую представляют как антиподы временных последовательностей – или, по крайней мере, нечто, не имеющее прямого отношения к деталям и нюансам развития последних. Однако социальное время, ...напротив, следует рассматривать как часть структуры" [6, с. 77]. Вводя в поле анализа категорию времени, мы вплотную подходим к проблеме развития, исходной категорией которой, по М.А. Чешкову, является имманентная человеку потребность и способность к творению качественно новых форм бытия и сознания [4]. Опираясь на этот постулат, можно сделать вывод о том, что во взаимоотношениях культуры и хозяйства первичный импульс развития рождается в социокультурной сфере.

Наша гипотеза состоит в следующем. Появляясь в социокультурной сфере, различные импульсы изменений (развития) не являются всеобщими на социетальном уровне, ибо они разные по содержанию и направленности. Отметим также, вслед за М.А. Чешковым, что такие импульсы могут носить как созидательный, так и разрушительный характер [4]. Все они так или иначе оказывают влияние на хозяйственные отношения, но только отдельные из них, или их кластеры, приобретают качество преобразующих, получают право на жизнь и оформляются институционально. И далее, уже в новом качестве, оказывают обратное влияние на сферу культуры, приобретая уже всеобщий,

общесоциальный характер, и таким образом замыкают виток спирали. Схематически это движение представляется следующим образом: "существующая (С) культура" → "инновационная (И) культура" → "С хозяйство" → "И хозяйство" → "С культура".

Сразу оговоримся, что мы не задавались вопросом о качественных характеристиках такого своеобразного "естественного отбора", производимого в нашей модели в сфере хозяйственных отношений. История показывает, что выбор пути далеко не всегда бывает правильным, но коль скоро такой выбор сделан, встает вопрос, насколько быстрым и успешным будет движение по этому пути. На наш взгляд, такая успешность может зависеть от меры соответствия такому выбору сферы культуры, для определения которого мы и вводим понятие "длящегося зазора" как постоянно существующего напряжения между социокультурными основаниями и хозяйством.

Можно предположить, что для любой хозяйственной системы, находящейся в состоянии развития, существует "идеальное" состояние социокультурной сферы, при котором это развитие будет оптимальным. Спиралевидный (а не круговой) характер движения импульса изменений, а также тот факт, что и культура, и хозяйство могут независимо друг от друга меняться под воздействием эндогенных и экзогенных факторов, определяют имманентность несоответствия системе, то есть существование "длящегося зазора" и неравенство его нулю. В то же время можно сделать предположение о существовании оптимальных для развития значений "длящегося зазора".

В экономических категориях величина "длящегося зазора" может быть определена в терминах неполученной выгоды, то есть как разница между реальным уровнем благосостояния общности людей и тем, каким оно могло бы быть при "идеальном" состоянии социокультурной и – соответственно ей – хозяйственной сферы. В хронологических терминах эта величина определяется как время, которое понадобилось бы для эволюционного (т. е. заданного предшествующей динамикой) изменения социокультурной сферы до "идеального" состояния.

Позволим себе прибегнуть к биологической метафоре и представить социо-экономическую систему в качестве гусеницы, вектором движения которой является развитие, задней частью – культура, передней – хозяйство. Передняя часть нашей гусеницы постоянно одновременно и подталкивается вперед задней частью,

и тянет ее за собой; а "длежащий зазор" при этом – напряжение между двумя этими частями.

Ясно отдавая себе отчет в достаточной ограниченности такого предложенного нами монокаузального инструментария для объяснения всего комплекса вопросов, связанных с экономическим развитием, мы, тем не менее, попытаемся воспользоваться им при эмпирическом анализе опыта отдельных держав.

В 1930-х годах Япония встретила волну модернизации с "социокультурным багажом" из высокого уровня грамотности населения, традиций эффективного управления, трудовой этики и самодисциплины, а также чувства национальной идентичности и превосходства. Это имманентное чувство собственного достоинства общенационального уровня обуславливало отношение японцев к своему отставанию от стран Запада, как к временному явлению, и одновременно стимулировало их стремление перенимать знание во всех его ипостасях. При этом, не ограничившись заимствованием технологий, японские лидеры чутко уловили и осознали критическую важность идеологии для обеспечения развития. В стране, не имевшей устойчивых религиозных традиций, государству удалось воплотить собственную версию веберовской протестантской этики – воспитать в подданных чувство глубочайшего долга перед императором и страной и увязать это чувство с трудом, дисциплиной и аскезой [3, с. 44–50]. Все это сделало возможным так называемое "японское экономическое чудо" – один из наиболее удачных примеров развития, основанного на инверсии – т. е., по А.С. Ахиезеру, усвоению и развитию существующего знания [1]. В предложенной нами терминологии в этом случае можно говорить о близком к оптимальному значению "длежащего зазора" на старте реформирования японской экономики.

Однако по исчерпанию модернизационного потенциала в 1980-х гг. в японской экономике наступил период стагнации. Принесшие в прошлом пользу такие социокультурные основания, как, например, склонность к сбережениям и пожизненной занятости, начали тормозить экономическое развитие. Социокультурные основания, бывшие подспорьем в эпоху Модерна, в условиях постмодерна оказались балластом, а их изменение происходило слишком медленно. Японская "гусеница", сделав рывок вперед передней "хозяйственной" половиной, слишком сильно растянулась и теперь вынуждена подтягивать заднюю "социокультурную" часть.

Еще одной точкой приложения предложенной модели может служить Советский Союз 70–80-х годов. Общество, удовлетворившее первичные потребности обеспечения безопасности и самовоспроизводства, все более явно формировало социокультурный запрос на расширенное потребление и рыночные отношения. В сфере экономики этот импульс по причинам идеологических ограничений, заложенных в самые основы государственного устройства, видоизменил хозяйственные отношения только в определенной их части, расцветив так называемый "черный рынок", и назад – в социокультурную сферу – тоже вернулся частично. В итоге одна (заметная) часть общества начала жить в условиях примитивных рыночных отношений, другая (большая) – осталась в рамках авторитарного социализма. В развитие метафоры приходится отметить, что в этом случае передняя – "хозяйственная" – половина нашей "гусеницы" разорвалась на две части, одна из которых оказалась впереди, а другая осталась позади "социокультурной" части. (Приводя такие, практически уже анатомические, зарисовки, нам остается только призвать в адвокаты М.А. Чешкова, писавшего, что "...метафоричность сама по себе не есть помеха рациональности, а может быть и стимулятором таковой, и способом переноса категории логического типа из одной области знания в другую" [5, с. 123]).

Проведенный теоретический и эмпирический анализ позволяет сделать вывод о возможности использования концепции "длящегося зазора" между культурой и хозяйством для анализа широкого круга вопросов в сфере проблем экономического развития, социальной экономики и институциональной экономики.

В качестве перспектив дальнейших исследований мы предлагаем гипотезу о существовании факторов, оптимизирующих величину "длящегося зазора". Одним из таких факторов может выступать соединение способности общества к усвоению и приложению чужого со склонностью к генерированию собственного "нового знания", где "знание" понимается расширенно – и как фундаментальные научные разработки, и как концепты построения институтов, и как ценностные установки. И несомненно верно то, что "...новое знание может возникать только на социокультурном фундаменте, вобравшем в себя нравственные, моральные, социальные ценности, нормы, традиции, что изначально придает знанию общественную природу и значимость" [2, с. 23].

Литература

1. Ахиезер А. С. Между циклами мышления и циклами истории // *Общественные науки и современность*. – 2002. – № 3. – С. 122–132.
2. Задорожный Г. В. Глобализация как гуманитарный проект человечества (Экономическая власть или культура?) // *Социальная экономика*. – 2003. – № 2–3. – С. 5–30.
3. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона – М.: МШПИ, 2002. – 320 с.
4. Чешков М. А. Идея развития: необходимость и возможность интерпретации // *Общественные науки и современность*. – 2004. – № 5. – С. 130–140.
5. Чешков М. А. Мир наук и науки о мире в свете идей И. Пригожина. – М.: ИМЭМО РАН, 2002. – 293 с.
6. White H. C. *Identity and Control*. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992. – 261 p.